

Юрий Михайлик

Над нами взойдет звезда-полынь

* * *

Подпоручик, шагавший не в ногу,
слава богу, забыл понемногу
строевую неловкость свою,
осознав, что не годен в герои,
ни в не к ночи помянутом строе,
ни в помянутом к ночи строю.

Наш – увы! – отставной подпоручик
орденов и чинов не получит –
никакой золотой мишуры,
и закончит свой горестный опыт
в дни, когда ваши гогот и топот
сокрушают мосты и миры.

* * *

Крест-накрест дверь. Позабудь свой дом.
И горький свой край покинь.
Мы были бессилием и стыдом,
и каменной солью пустынь.
И в наших глазах – вовеки веков –
честнее здешних расплат
сиянье стронциевых облаков,
плутониевый распад.
Эпоху свою мы насквозь прожгли
и ненавистью прошлись

на семь поколений вглубь земли,
на семь поколений ввысь.
Крест-накрест дверь. Забудь и покинь.
В свой черед на любой из широт
над нами взойдет звезда-полынь
во тьме торфяных болот.

Кайеркан

Зимовать их оставили в шахте –
там, поглубже, до плюс десяти.
Ни овчарок, ни вохры на вахте,
но зимой никуда не уйти.
И, конечно, проблемы прокорма
и вопросы доставки трудны,
и не всем половинная норма
позволяет дожить до весны.

Так что нынче уже не дознаться
и в архивах нигде не сыскать –
сколько было их? Тысяч пятнадцать?
А другие твердят – двадцать пять.
А когда они вышли наружу –
те, кто все-таки выжил и встал
в ледяную апрельскую стужу –
их ведь тоже никто не считал.

Но великий начальник приехал,
как таймырские ездят цари,
в дивной шубе из волчьего меха –
волк снаружи и волк изнутри.
И сказал он, спуская по следу
свой отборный натасканный взвод:
– Те, что выжили, все – людоеды.
Людоеды. Отпетый народ.

* * *

Поэзия словно космос пуста,
и сколько стихов ни пиши,
в ней всегда существуют такие места,
где не было ни души,
где не звенел ни глагол, ни металл,
не скрипели ничьи прохоря,
где даже Пушкин не пролетал,
о прочих не говоря.

Этих широт, этих щедрот
никто не калечил межой.
Хочешь – возделывай свой огород,
хочешь – паши чужой.
И когда ты пятьсот стишков насвистал
и выложил в интернет,
ты можешь хоть лечь на свой пьедестал –
никаких соперников нет.

Не бойся, не бейся, бедный поэт,
меж комплексов и обид, –
не то что врагов – собеседников нет
ни на одной из орбит.
А о чем звезда со звездой говорит
в непостижимой дали –
расскажет обугленный метеорит.
Если долетит до земли.

* * *

Я уже не буду стоять ни в каких рядах
в моих любимых, но снова кровью проклятых городах,
я не стану опять чинить расстрелянное жилье,
предпочитая кормить воронье, чем повторять вранье.
Как тут упомнишь – жив ты или убит
на площадях, в очередях, во дворах профтехшкол,

кстати, откуда столько бейсбольных бит
в странах, где никто не играет в бейсбол?
И когда слышишь – как они говорят,
о чем спорят и что поют,
понимаешь – не ведают, что творят,
но точно знаешь – убьют.

Сидней

